ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА
г. МОСКВА
1 ЯНВ 1965

Вл. Масс и Мих. Червинский

ИДЯ НАВСТРЕЧУ

● ПАРОДИИ ●

КАК ТОЛЬКО мы из вполне авторитетных источников узнали о том, что приближается Новый год, тут же решили отметить это событие рядом мероприятий.

Естественно, что прежде всего нам захотелось встать на песенно-поэтическую предновогоднюю вахту, взять на себя какие-нибудь творческие обязательства и, самое главное, возглавить какой-нибудь отстающий литературный участок.

Но неожиданно для самих себя мы на первых же порах столкнулись с некоторыми трудностями.

Встать на песенную вахту нам не удалось. Там уже стоял поэт Лев Ошанин. Уже много лет Ошанин не выпускает из рук штурвала и уверенно ведет корабль советской песни неслыханного доселе водоизмещения.

Его команда, состоящая из могучей кучки композиторов, чутко прислушивается к словам или, как принято говорить, к текстам своего кормчего.

Композитор Аркадий Островский завершает к Новому году эпопею «На дворе она и он, домино и патефон».

Композитор Эдуард Колмановский превращает в трилогию двухчасовую историю о речке под чудесным названием «Бирюса», которая поет на голоса и так мило рифмуется со словами «небеса» и «чудеса».

А несколько отставший композитор Марк Фрадкин превращает обыкновенную песенку «Издалека долго» в «Издалека долгоиграющую»...

Вахтенный поэт Ошанин первым из поэтов-песенников освоил метод, успешно разработанный нашими прозаиками. Уже давно замечено, что прозаики, работая над композицией своих романов, думают главным образом о завязке произведения. Дальнейшее их не беспокоит. Как только дело подходит к развязке, прозаик пишет не «конец», а «конец первой части» и начинает сначала.

Наши раздумья по этому поводу сами собой вылились в форму песни на хорошо знакомые всем мотивы:

Муза поэта сомнений не ведает,
Тему менять основания нет,
Тут же за песней запетою следует
Новая песня на тот же сюжет.
Если появится песня-новиночка,
В ней — на знакомом дворе —
все равно
Будет все та же крутиться
пластиночка,
Будет все то же стучать домино.
И год, и два, и три, и пять
Все тот же двор и пластинка
опять,
Другой размер, но та же суть,
И лишь кое-что я меняю
чуть-чуть.

Обидно, что и с повышенными творческими обязательствами у нас ничего не вышло. Оказалось, что все обязательства уже взял на себя Сергей Михалков. Не только взял, но уже и выполнил, и перевыполнил! В течение года он превратил обыкновенный «Фитиль» в «Большой фитиль», водевиль «Зеленый кузнечик» — в музыкальную комедию «Зеленый кузнечик», старую оперетту «Орфей в аду» — в новую оперетту «Орфей в аду»... Впрочем, нет никакой возможности перечислить все, что написал за минувший год Сергей Михалков.

Кто рассказывает сказки? Кто
описывает быль?
Пишет песни, пишет басни,
редактирует «Фитиль»?
Кто в журнале, и в газете,
И в кино, и в оперетте?..
В учреждениях сидят режиссеры,
Кулуарные ведут разговоры:
— А для нас он пишет пьесу.
А для вас?
— И для нас он пишет пьесу.
А для вас?
— А у нас на днях премьера.
— Что вы ставите?
— «Сомбреро»!
— А у нас идут подряд:
«Осторожно, — листопад!»,
«Красный галстук», «Дикари»
И картина «Два плюс три»...
Если взять все эти пьесы
и соединить в одну,
А потом у этой пьесы
да измерить глубину,
То получится ответ:
В мире глубже пьесы нет!

Итак, на нашу долю осталось только возглавить какой-нибудь отстающий участок. С этим делом обстояло благополучно. Отстающих участков на литературном фронте достаточно. Самый отстающий, как водится, — это драматургия. Театры пытаются исправить положение, инсценируя не только все повести и романы классиков и неклассиков, но даже личную переписку писателей. Но если с классиками в этом смысле обстоит благополучно, то с современными авторами дело обстоит значительно хуже — не пишут они друг другу писем. Нельзя же в самом деле инсценировать переписку писателя Юлиана Семенова с газетой «Известия»?.. Отстает у нас драматургия!

Недавно был еще один отстающий участок — жанр юмористической повести. Но еженедельник «Неделя» нашел блестящий выход из положения. Вспомнили, что в свое время один маститый писатель подсказал сюжет юмористической повести двум начинающим писателям и те написали. И написали неплохо... Сначала начинающие писатели написали «12 стульев», затем — «Золотой теленок».

Вновь пригласили того же маститого писателя, Валентина Катаева. Он вновь подсказал сюжет, теперь уже не двум начинающим, а доброму десятку признанных писателей. И надо прямо сказать: десять писателей так закрутили сюжет, что сотни тысяч читателей не смогли его раскрутить.

Мы решили использовать опыт «Недели» на участке драматургии. Рассчитывать, что какой-нибудь маститый драматург подскажет сюжет, мы не стали — не такие нынче драматурги... Пришлось прибегнуть к помощи классика Николая Васильевича Гоголя, который охотно подсказал нам сюжет, в свое время подсказанный ему Александром Сергеевичем Пушкиным. Этот сюжет мы, в свою очередь, подсказали трем современным драматургам, которые и предложили нам новую комедию под старым названием

«РЕВИЗОР»

Драматург А. АРБУЗОВ

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Комната в доме городничего. Впрочем, может быть, и не комната в доме городничего, а прихожая в доме попечителя богоугодных заведений. А еще лучше, если на пространстве сцены действующие лица, не общаясь друг с другом, словно прислушиваются к музыке. Издалека не слышен четвертый концерт для виолончели с оркестром композитора Бенджамина Бриттена.

ГОРОДНИЧИЙ *(думая о чем-то значительном)*: Я пригласил их, чтобы сообщить им пренеприятное известие...

АММОС ФЕДОРОВИЧ *(вспомнив что-то из ряда вон выходящее)*: А я их сегодня позову обедать...

БОБЧИНСКИЙ: А я первый сказал «Э».

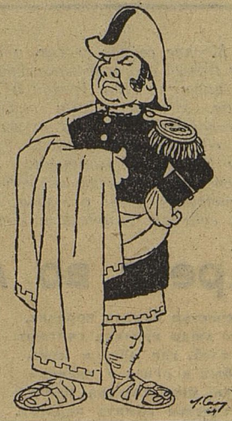
ДОБЧИНСКИЙ: Нет, это я первый сказал «Э».

ЛУКА ЛУКИЧ *(молча)*: Как хотите, а для науки я жизни не пощажу.

ПОЧТМЕЙСТЕР: А я — почтмейстер... Это я в финале все поставлю на свое место... Все поставлю...

КВАРТАЛЬНЫЙ: А я что? Я — квартальный... Мне скажут тащи, я тащу. Скажут не пущай, я не пущаю...

ИВАНОВ: А я — Иванов. Унтер-офицер Иванов. Я — покойник. Это моя вдова, вдова унтер-офицера Иванова сама себя высекла. Да так высекла, что потом двое суток садиться не могла...



ТРЯПИЧКИН *(торопливо, впрочем, может быть, и неторопливо, так как, в сущности, его нет, а если он и есть, то совершенно неважно, как он говорит, торопливо или неторопливо)*: Я — Тряпичкин. Проживаю я, как вы изволите знать, в Санкт-Петербурге на Почтамтской улице, в доме под номером девяносто седьмым, поворотя на двор, в третьем этаже направо... Это мне написал обо всем мой друг Иван Александрович...

ПОЧТМЕЙСТЕР: А я это письмишко и вскрыл!

ГОРОДНИЧИЙ *(мрачно, думая о чем-то значительном)*: А я вас всех пригласил, чтобы сообщить им пренеприятное известие... Нас где-то ждут!..

(Темнеет. Издали не слышны звуки болеро Равеля.)

Драматург А. СОФРОНОВ

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Антон Антонович Сквозник — знатный огородничий.
Анка — его жена.
Машка — их дочь.
Земляника, Яичница } Гости
Держи, Морда } Милицейские

Околица. Машка Сквозник примеряет подвенечное платье. На завалинке сидит Земляника и играет на гармошке элегию Массне.

КОРОБОЧКА: И до чего же ей фата идет...

АНКА: Это потому, что она у нас фатоватая.

ЗЕМЛЯНИКА: А правда ли, Анна Андреевна, что Манька ваша за знатного человека выходит?

МАШКА *(поет, аккомпанируя себе на балалайке)*:

Мне ништо механизатор,
Ни к чему мне тракторист.
Сам японский император
Мне прислал похвальный лист.

(Входит Антон Сквозник. За ним Держи и Морда.)

СКВОЗНИК: Теперь вы у меня все в кулаке будете. Вы понимаете, какой у меня пост высокий будет?

ЯИЧНИЦА *(Машке)*: А любовь ощущаешь?

МАШКА: Да, потягивает... Распаляюсь, как форсунка!

ЯИЧНИЦА: Ну, тогда спой нам еще чего-нибудь.

МАШКА *(поет, аккомпанируя себе на гитаре)*:

Хорошо на Приднепровье,
Там весна во всей красе.
Не шутите вы с любовью,
Как сказал Альфред Мюссе.
Без воды береза сохнет,
Без дружка в душе печаль,
Без любви индюшка дохнет,
Учит нас Анри Стендаль...

(Вбегает квартальный.)

КВАРТАЛЬНЫЙ: Прибывший ревизор требует вас к себе.

ВСЕ: Ах!

СКВОЗНИК: Это все они — сочинители, щелкоперы, бумагомараки... В комедию вставили!..

ВСЕ: Ох!..

(Немая сцена. Все поют и танцуют.)

Драматург С. АЛЕШИН

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Операционная. На столе лежит Осип. Возле него городничий в вицмундире. Рядом Бобчинский и Добчинский в белых халатах. У всех троих на лицах марлевые повязки. Неподалеку, в кресле, заложив нога на ногу, сидит Хлестаков. Он в поповской рясе с большим золоченым крестом на груди.

ОСИП *(лежа на операционном столе)*: Черт побери, есть так хочется и в животе трескотня такая, как будто бы целый полк затрубил в трубы...

ГОРОДНИЧИЙ: А мы сейчас и посмотрим, что у тебя там в животе... *(Бобчинскому.)* Скальпель!.. *(Добчинскому.)* Зажим!.. *(Вскрывает живот Осипу.)*

ХЛЕСТАКОВ: Ибо сказано: и сущий во гробе живот свой даровал. Господи, владыка живота моего... Не на живот рождаемся, а на смерть!

ГОРОДНИЧИЙ: Давление?

ДОБЧИНСКИЙ: Двести!

ГОРОДНИЧИЙ: А я ему вместо двухсот четыреста вверну!

ХЛЕСТАКОВ: А еще в евангельи от Матфея сказано: ежели правый глаз соблазняет тебя, вырви его и брось от себя, ибо лучше, чтобы погиб один из членов твоих, а не все тело твое было ввержено в геенну.

ГОРОДНИЧИЙ: Значит, вырвать глаз? *(Бобчинскому.)* Скальпель!.. Зажим!.. Кислород!..

ХЛЕСТАКОВ: И еще у Матфея сказано: ...И воззрят нань его же прободеша.

ГОРОДНИЧИЙ: Чего прободеша?

ХЛЕСТАКОВ: Сие означает... И будут смотреть на него те, которые его пронзили.

ГОРОДНИЧИЙ: Аминь! *(Осипу.)* Ну, как?

ОСИП: А покорнейше благодарю, сударь! Дай бог вам всякого здоровья!

ХЛЕСТАКОВ: Аз есмь!

ГОРОДНИЧИЙ. А вы зачем, Иван Александрович, в священнослужители пошли?

ХЛЕСТАКОВ: Для философии... Токмо философии ради. Без философии один лабардан... Сразу видна легкость в мыслях необыкновенная. А бог тут ни при чем. Богу одна только философия и перепадает, — все остается людям!

ОСИП *(лежа на операционном столе)*: Жить надо!.. Какое это счастье, жить... Жить, жить... *(умирает)*.

ЗАНАВЕС

...Новый год!.. Пусть он будет новым и в поэзии, и в прозе, и в драматургии, ну и, конечно, в жанре литературных пародий... Впрочем, были бы яркие, интересные произведения, а пародии на них всегда будут.

Рисунки Л. САМОЙЛОВА

Следующий номер «Литературной газеты» выйдет во вторник, 5 января 1965 года.